

Грибан И.В, Грибан О.Н.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ¹

Ключевые слова: цифровизация, историческая память, образы прошлого, механизмы коммеморации, медиатизация, media memory, digital memory.

Согласно аналитическому отчету Digital 2021 общественного креативного агентства «We Are Social» и платформы «Hootsuite», на начало 2021 г. более 4,66 млрд людей пользовались Интернетом, при этом аудитория социальных сетей превысила 4,2 млрд, в онлайн присутствует почти 60% населения России, среднестатистический россиянин проводит в Интернете 7 ч. 52 мин. – 121 день в году. Цифровизация – внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства – коснулась всех сторон нашей жизни – от управления финансами, совершения покупок, до построения романтических отношений. В условиях пандемии время, которое мы проводим в режиме онлайн, увеличилось многократно, в том числе, за счет сферы образования. Мы все столкнулись с такими явлениями, как лекции в зуме, конференции в онлайн, вебинары и нетворкинги, которые прочно вошли в нашу жизнь и, наверное, останутся в ней и после пандемии. Повсеместная цифровизация коснулась и феномена исторической памяти.

В рамках данной статьи мы хотели бы обобщить современные тенденции в изучении феномена исторической памяти, выделить наиболее актуальные направления исследований, а также на конкретных примерах представить те возможности и проблемы, которые открывает эпоха цифровизации для всех, кто так или иначе причастен к сохранению исторической памяти.

В последние несколько лет в публикациях, посвященных исторической памяти, появились новые термины и характеристики.

Во-первых, анализируя современное состояние науки и, в частности, гуманитарного знания, говорят о «Медиальном повороте», или о «цифровом повороте», который характеризуется изменением стиля и характера мышления человека, серьезными социокультурными переменами (С.В. Тихонова, С.М. Фролова, В.В. Савчук и др.). Применяя цифровые технологии, пользователи потребляют контент, который сами же и производят. Если до медиального поворота производство прошлого было направлено от публичных инстанций к частным лицам, то сегодня его направление – от масс к массам, через узлы фильтрации, забвения и частичного публичного контроля.

Во-вторых, исследователи обращают внимание на «Медиатизацию исторической памяти в социальных сетях». Время, в которое мы живем, называют эпохой цифровизации. Популярен и другой термин – эпоха веб 2.0, эпоха социального интернета, в которую социальные сети становятся неотъемлемой частью нашего существования. Этому способствует распростра-

---

¹Исследование выполнено в рамках научного проекта «Методика преподавания истории Второй мировой войны в условиях дистанционного и смешанного обучения: отечественный и зарубежный опыт».

нение и доступность гаджетов – смартфонов, планшетов и прочих устройств, позволяющих получать доступ в Интернет 24/7. В этом контексте возникает вопрос о соотношении медиа и исторической памяти (мемори). Э. Хоскинс отождествляет культурную память и медийные носители, отмечая, что «цифровая эпоха оборвала привязку памяти к идентичности, сделав память общедоступной... Распространение информации и широкий доступ к ней в социальных сетях и цифровых архивах по-новому формируют наши взаимоотношения с прошлым: «Новые медиа, расширяющие, интегрирующие, комбинирующие, реорганизуемые во времени и пространстве старые медиа, переформатировали не только конфигурацию субъекта, но и конфигурацию памяти» [18, р. 29].

Известная немецкая исследовательница А. Ассман, напротив, противопоставляет память и медиа, отмечая, что «память базируется на забывании, характеризуется дефицитностью и тесно связана с идентичностью», а медийная гиперструктура, напротив, «преодолевают эти ограничения памяти, устанавливая связи между социальными группами, нациями и культурами» [2, с. 185].

В-третьих, объектом исследований становится «Цифровая память» – digital memory. При этом если в начале 2000-х гг. исследователей больше волновал вопрос о способах оцифровки и сохранения информации, специфике и преимуществах использования интернет-источников в работе историков (Hoskins, 2001; Cohen, 2006; De Groo, 2009; Korte, 2009), то во втором десятилетии XXI века все более актуальной становится проблематика воздействия медиа на процесс формирования образов прошлого в условиях повсеместного доступа к Интернет (Internationale, 2011; Hasebrink, 2011; Schmidt, 2019). Согласно исследованиям, проведенным в Германии, уже в 2009 г. для подростков в возрасте от 14 до 19 лет Интернет был самым важным способом получения информации. Авторы отмечают большую роль онлайн-ресурсов в формировании мировоззрения и исторических представлений молодых пользователей, анализируют преимущества и недостатки виртуализации и медиатизации памяти (Hein, 2010). Особенности работы историков в условиях повсеместной цифровизации («диджитализации») рассмотрены в статье Г. Бальби. Автор поднимает очень непростой и актуальный вопрос о том, кто, что и как будет сохранять о прошлом для будущих поколений в условиях цифрового общества? Кто будет нести ответственность и принимать решения, что из безграничного информационного потока надо сохранить, а что предать забвению? [13, с. 172].

Еще один важный аспект, привлекающий внимание исследователей, – количественное измерение памяти в условиях диджитализации. Распространение и популяризация социальных медиа побудило исследователей обратиться к такому аспекту, как количественное измерение памяти: Б.Н. Якобсен и Д. Бир анализируют, каким образом репосты, «лайки», комментарии и количество просмотров детерминируют обращение к историческим фактам и влияют на воспоминания о прошлом. Авторы вводят

термин «количественная оценка ностальгии» и приходят к выводу, что реакция в социальных сетях может оказать влияние на то, как человек относится к событиям прошлого и настоящего, изменить ценность воспоминаний. Более того, количественные инструменты оценки контента в социальных сетях «позволяют людям постоянно и все более активно заниматься своим прошлым, заставляя думать о том, какими воспоминаниями поделиться», «связывают воедино людей в рамках сообществ» [20, р. 1–2, 9].

Наконец, исследователи обращают внимание на роль социальных медиа и Интернета в целом в формировании образов прошлого. Эта тема приобретает особую актуальность для России в контексте изучения глобальных «войн памяти» и столкновения исторических нарративов в интернет-пространстве. Если обратиться к отечественной литературе, то проблематика взаимодействия исторической памяти и медиа, роли социальных медиа в формировании образов прошлого у молодежи в последние несколько лет стала актуальной и рассматривается в разных аспектах: в политологическом (А.Ю. Бубнов, Д.А. Аникин, С.В. Володенков), в контексте изучения процессов и коммуникативных практик в социальных медиа (С.И. Белов, Г.И. Зверева).

И здесь мы выходим на еще один распространенный в настоящее время термин – «сетевые сообщества», под которым в современной литературе понимается «специфическая форма организации Интернета, выражение его строения и структуры, в том числе, социального строения и социальной структуры» (Курбатов, 2012). Д.А. Аникин и А.Ю. Бубнов (Аникин, Бубнов, 2020) вводят понятие «сообществ памяти» – это дискурсивные сообщества, взаимодействующие на конкретной площадке в Интернете, объединенные интересом к истории и актуальной политике. Внутри таких сообществ в процессе совместного создания медиатекстов и комментирования память превращается в коллективный проект. Авторы отмечают, что актуализируемые воспоминания в таких сообществах определяются не столько объективной значимостью в контексте эпохи, сколько зависят от политических ориентиров участников, и нередко являются идеологическим конструктом, использующимся в контексте актуальных политических процессов.

Таким образом, тема медиатизации памяти достаточно активно обсуждается зарубежными и отечественными исследователями. При этом необходимо отметить, что проблема воздействия видеоблогов и социальных медиа на исторические представления молодежи относительно недавно стала рассматриваться в научной литературе.

Анализ литературы, обращение к собственному опыту и общение со студентами позволяет выделить возможности и проблемы, которые дает нам эпоха цифровизации.

Новые возможности:

– оцифровка архивов (сегодня каждый может обратиться к истории семьи. Самым ярким примером являются базы данных «Мемориал», «Па-

мять народа»). Возможность сохранить в оцифрованном виде уникальные исторические источники;

- доступность информации. Для историков – возможность удаленного доступа к зарубежным архивам;

- цифровизация музейного пространства (уникальность парков «Россия – моя история») – существенно расширяет возможности использования материалов музеев в учебно-воспитательном процесс;

- виртуальные экскурсии (Сталинградская битва, дневник анны франк);

- безграничное общение (вебинары и онлайн-конференции. Например, в 2020–2021 гг. в УрГПУ прошло 6 российско-германских вебинаров);

- большие объемы сохраненной информации (каждый сам себе фотограф и историк, возможности современных гаджетов позволяют не только копить данные, но и автоматически создают, например, видеовоспоминания. А социальные сети напоминают, какие посты были написаны 2 года назад). Каждый из нас вольно или невольно оставляет свой собственный цифровой след;

- современные технологии изучения прошлого на уроках истории.

Но при всех преимуществах, конечно, есть и обратная сторона медали. Проблемы можно сформулировать при помощи ключевых вопросов.

Кто сохраняет? Благодаря современным технологиям, сегодня каждый сам себе историк. С другой стороны, в ближайшие 20 лет ответственность за сохранение исторической памяти перейдет к так называемому поколению Z (с 2000 г. и до 2024 г.). Это люди, которые «не чувствуют грани между реальной и виртуальной жизнью, это дети, которые не просто выросли с интернетом, а родились с аккаунтом в Instagram и уже не представляют себе жизнь без цифровых технологий». При этом для них характерно клиповое мышление. Они воспринимают яркие образы, а не длинные тексты, короткие ролики, а не документальные фильмы. Они в большей степени, чем представители других поколений, подвержены влиянию соц. сетей. Прошлое в их головах конструируется не профессиональными историками, а медиасредой, социальными сетями, лидерами мнений.

Что сохраняет? Какой цифровой след останется после нас? Как в потоке информации определить, что значимо, а что – нет?

Как и зачем сохраняет? В условиях, когда каждый может стать историком, создавать сообщества любителей истории, размещать видеоролики, комментировать те или иные посты, особенно значимым становится вопрос – кто регулирует этот процесс. К примеру, «накручивая» количество лайков можно делать определенные темы более или менее привлекательными. Удаляя неудобные комментарии, можно управлять дискуссиями в соц. сетях. И косвенно оказывать воздействие на пользователей. В данном контексте нельзя не согласиться с мнением А. Эрл, которая отмечает, что «медиа не являются ни нейтральными, ни пассивными хранителями прошлого. Они создают посред-

ничество между человеком и его опытом и в то же время являются основой для будущих воспоминаний общества о самом себе» [10, с. 171].

В XXI веке все более актуальным становится вопрос об образе прошлого, представленном в сетевых медиа. В каких формах и с помощью каких выразительных средств должна транслироваться сегодня память о прошлом? Какие символы, оценки, представления о прошлом сформируются у современной молодежи, исторические представления которой во многом определяют не школьные уроки истории, а влияние сети Интернет? Особую актуальность эти вопросы приобретают для российского общества, в котором наблюдается отсутствие консенсуса в отношении к собственному прошлому, особенно к советскому периоду истории. В качестве заключения нам бы хотелось обратиться к фразе Алейды Ассман: «Будущее памяти уже началось». Очевидно, что наш мир стремительно меняется, меняется система образования, меняются формы и методы коммеморации прошлого. Актуальными остаются вопросы о том, кто, что и как будет сохранять в будущем? Что будет знать о прошлом поколение альфа – следующее поколение людей? И, наверное, самый важный, хоть и риторический вопрос: какова роль педагогического сообщества в этом процессе? Как построить процесс преподавания истории таким образом, чтобы по максимуму использовать возможности эпохи цифровизации и свести к минимуму риски и проблемы?

Список литературы:

1. Аникин, Д.А. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти / Д.А. Аникин, А.Ю. Бубнов // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 1, № 53. – С. 19–28.
2. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.
3. Белов, С.И. Videоблогеры как актор политики памяти: влияние кинообзоров на восприятие российского исторического кино / С.И. Белов // Информационные войны. – 2019. – № 1(49). – С. 89–93.
4. Бубнов, А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере / А.Ю. Бубнов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4. – С. 3–12.
5. Волков, Д. Гражданский активизм российской молодежи. 01.10.2020 [Электронный ресурс] / Д. Волков, С. Гончаров, М. Снеговая // Аналитический центр Юрия Левады. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-gossijskoj-molodezhi/>. – Дата доступа: 13.10.2021.
6. Володенков, С.В. Особенности применения технологий переписывания истории в современном пространстве цифровых коммуникаций / С.В. Володенков // Электронный научно-образовательный журнал „История“. – 2020. – Т. 11, № 9. – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840011429-0-1/>. – Дата доступа: 13.10.2021.
7. Курбатов, В.И. Сетевые сообщества Интернета как социальные конструкты / В.И. Курбатов [Электронный ресурс] // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-soobshchestva-interneta-kak-sotsialnye-konstrukty>. – Дата доступа: 13.10.2021.
10. Сафронова, Ю.А. Историческая память: введение / Ю.А. Сафронова. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.

13. Balbi, G. Doing Media History in 2050 / G. Balbi // Westminster Papers in Communication and Culture. 2011. № 8 (2). P. 154 – 177.
14. Cohen, D.J. Digital History: A Guide to Gardening, Preserving, and Presenting the Past on the Web / D.J. Cohen, R. Rosenzweig – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. – 328 p.
15. De Groot, J. Consuming History. Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture / J. De Groot. – New York : Routledge, 2009. – 292 p.
16. Hasebrink, U. Kinder und Jugendliche im Web 2.0 – Befunde, Chancen und Risiken / U. Hasebrink, C. Lampert [Electronic resource] // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2011. – № 3. – Access mode: <https://www.bpb.de/apuz/33541/kinder-und-jugendliche-im-web-2-0-befunde-chancen-und-risiken> – Access date: 13.10.2021.
17. Hein, D. Virtuelles Erinnern / D. Hein [Electronic resource] // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2010. – № 25–26. – Access mode: <https://www.bpb.de/apuz/32669/virtuelles-erinnern> – Access date: 13.10.2021.
18. Hoskins, A. Media, Memory, Metaphor: Remembering and the Connective Turn / A. Hoskins // Parallax. – 2011. – № 17 (4). – P. 19–31.
19. Hoskins, A. New Memory: mediating history / A. Hoskins // Historical Journal of Film, Radio and Television. – 2001. – Vol. 21. – № 4. P. 333 – 346.
20. Jacobsen, B.N. Quantified Nostalgia: Social Media, Metrics, and Memory / B.N. Jacobsen, D. Beer [Electronic resource] // Social Media + Society. – 2021. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/349695167_Quantified_Nostalgia_Social_Media_Metrics_and_Memory – Access date: 13.10.2021.
22. Katz, E. Personal Influence: the Part Played by People in the Flow of Mass Communications / E. Katz, P.F. Lazarsfeld. – Routledge, 1955. – 508 p.
23. Korte, B. History Goes Pop. Zur Repräsentation von Geschichte in populären Medien und Genres / B. Korte, S. Paletschek. – Bielefeld : Kordula Röckenhaus, 2009. – 60 S.
24. On media memory: Collective memory in a new media age / ed. by A. Hoskins, J. Sutton. – London : Palgrave Macmillan, 2011. – 290 p.
25. Schmidt, J-H. Die Medienlogik der Informationsintermediäre und ihre Bedeutung für Meinungsbildung / J.-H. Schmidt [Electronic resource] // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2.05.2019. – Access mode: <https://www.bpb.de/gesellschaft/digitales/digitales-information/290575/die-medienlogik-der-informationsintermediaere-und-ihre-bedeutung-fuer-meinungsbildung> – Access date: 13.10.2021.

Давлятова Е.В.

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА «КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ»

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, индивидуальная память, история, идентичность.

Проблема интерпретации исторического прошлого является объектом пристального теоретического и практического внимания в наши дни. Связано это с новыми геополитическими, социально-экономическими и культурными реалиями нынешнего времени. Попытки исследователей переосмыслить и переписать историю, с учетом своих политических целей и интересов, привели к появлению новых направлений в области исторического знания, в частности, началось изучение феномена историческая